

**ВОЕННАЯ
ФАНТАСТИКА**

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

**СТАЛЬНОЙ
ЛАБИРИНТ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *Владиславы Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Зорич, Александр.

3-86 Стальной лабиринт / Александр Зорич. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Военная фантастика Александра Зорича).

ISBN 978-5-699-91727-3

XXVII век. Россия давно превратилась в могучую космическую сверхдержаву. Ей противостоит государство Конкордия, созданное религиозными фанатиками. Для молодого капитана танковых войск Константина Растова, война с Конкордией началась на планете Грозный. Рота средних танков Т-10, находящаяся под командованием Растова, вынуждена вести оборонительные бои. Черeda ожесточенных схваток, ночные рейды, поединки танковых асов: казалось бы, некогда думать о своих чувствах, но война любви не помеха...

«Стальной лабиринт» — танковое продолжение легендарного цикла Александра Зорича «Завтра война».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорич А., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91727-3

Часть первая

ВОЙНА

Глава 1

ВЫСОТА 74

Январь, 2622 г.

Высота 74

Планета Грозный, система Секунда

Танк бортномер 100 замер на границе между дикой саванной и полями преуспевающей сельхозкоммуны «Царица полей». В небесах горело яркое солнце, но воздух был по-зимнему неласков — работал океанский циклон.

«Дз-зиль!»

Оперенный подкалиберный снаряд чиркнул по броне с перепиливающим нервы звоном и, разлетевшись на куски, начисто срезал с левого борта башни навесной миномет «Антон».

«Пробития нет», — меланхолично констатировал парсер.

«Еще бы нет! — злорадно прибавил к этому капитан Константин Растов. — Побольше нам таких недоучек в клонских танковых войсках... Они бы еще с семи километров выстрелили!»

Капитан утопил педаль управления башней, и шестидесятитонное средоточие русского танко-

строительного гения Т-10, прозванное речистыми еврожурналистами «эршрокенхайт-панцер», то есть «танк-кошмар», перебросило пушку на лево.

Автоматизированный прицел сразу захватил пять целей. Миг — и цели были распознаны: конкордианские танки «Рахш».

Растов выбрал ближайший.

Но стрелять не спешил.

Не хотел повторять ошибку клонского недоучки.

Ясно было, что если тот не смог пробить башню его машины в борт с пяти километров, то взять «Рахш» в лоб его Т-10 не сможет и по-прежнему.

— Степан, давай назад и подыщи нам лощинку поуютнее, — приказал Растов мехводу Фомину. И продолжал — в основном чтобы подбодрить себя и экипаж: — Засядем там, кофейку выпьем... Подпустим «Рахши» поближе, а потом устроим им вырванные годы.

— Есть искать лощинку поуютнее! — радостно отозвался мехвод.

Определив действия своего танка на ближайшее время, Растов занялся другими машинами роты.

— Здесь «сотый»! — Капитан гаркнул так громко, что сразу понял: переборщил с децибелами; он продолжил уже тише: — Мужики, предыдущая задача отменяется. Как вы заметили, клоны уже на подходе. Поэтому становимся в жесткую оборону

прямо здесь. Первому взводу — занять позиции к западу от фермы...

— Принял плавно, выполняю, — отозвался Соснин, комвзвода-1.

Растов продолжал:

— Третьему — отойти на гребень высоты семьдесят четыре...

— Товарищ капитан! — Это был ершистый комвзвода-3, Авраам Хлебов, единственный афрорусич во всем их батальоне, танцор, гуляка и неутомимый рассказчик. — Сомнение у меня...

— Выкладывай!

— Как бы нас на этой высоте не того... Слишком уж она лысая.

Капитан Растов прикусил губу. Он делал так всегда, когда погружался в особенно тяжелые раздумья на спорные темы. Да, высота открытая, простреливаемая, зацепиться не за что. Да, у него самого сомнения. Два мешка сомнений. Да, решение не ахти...

А какое «ахти»?

Оставить роту в сомкнутом боевом порядке и вовсе преступно! Их сможет накрыть одним залпом батарея самых заурядных РСЗО — реактивных систем залпового огня... Да любой флуггер кумулятивных бомб сыпанет — и больно будет.

— Принимается, — кивнул Растов невидимому собеседнику. — Понимай задачу как гибкую оборону. Выйдешь на высоту, отстреляешься по клонам — и на обратный скат, на перезарядку. Потом снова на макушку — и огонь. А через два-три ци-

кла уходи к родникам у северного подножия высоты... Оттуда поддержишь нас огнем с закрытых позиций.

— Кстати! — совершенно некстати обрадовался комвзвода-3. — В этих родниках вода, говорят, целебная.

— Вот и подлечишься.

Стоило местному солнцу, звезде Секунде, уйти за облую дымчато-серую тучу — и разгорелся настоящий бой.

Рев четырех десятков танковых пушек огласил долину.

Конечно, капитан Растов знал, что со стрельбой по вражеским танкам прекрасно справятся наводчик Чориев и автомат заряжания. Но азарт боя в который уже раз вовлек его в ратное безумие.

Он раз за разом захватывал в прицел левую гусеницу очередного клонского танка и, командуя самому себе «огонь!», посылал в цель снаряд.

Клонские машины по инерции проползали еще десяток метров, разворачиваясь к взводу Соснина правым бортом.

Ну а Соснин, конечно, не зевал. Клоны запылали. Первый, второй, четвертый...

— Товарищ командир! Товарищ командир! — пытался докричаться до Растова сержант Субота — стрелок-оператор его танка. — С «двести пятого» передают: новые бронецели идут к родникам...

— Куда?! — гаркнул Растов.

— Ну, к родникам! Где вы Хлебову запасную позицию определили!

До Растова не сразу дошел смысл услышанного — очень уж он умел увлекаться.

Но когда дошел, капитан среагировал мгновенно.

Они рубились здесь, на Грозном, с клонской танковой дивизией уже неделю. Собственно, с первого дня войны. И Растов твердо усвоил: танки врага никогда не ходят в бой малыми группами. Если уж кого-то наши засекли на дороге к родникам, можно быть уверенным: за головным взводом подтянется шумная, драчливая компания.

Что тут скажешь?.. Плохо. Очень плохо. Но к тому, что клонских танков будет втрое, вчетверо больше, чем его «тэ десятых», он был готов с самого начала.

— Хлебов, слышишь меня? — сказал Растов, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — Хлебов, вызывает «сотый»!

Ответа не было.

Тогда Растов вызвал своего заместителя, комвзвода-2.

— Загорянин, ты где?

— На звезде, Костя, на звезде, — услышалось в ответ. Они с Растовым были годками — если смотреть по выпуску из академии. Что подразумевало некоторые вольности. В частности, Загорянин был единственным человеком в роте, которому разрешалось называть капитана Костей.

— Давай без этого вот.

— Веду огневой бой с противником в сорока метрах от тебя.

— Слушай, Загорянин, не могу вызвать Хлебова. Если он тебе ответит, предупреди: к нему гости. Идут ему точно в правую скулу.

— Понял. Один сек, — проворчал Загорянин.

Следующие полторы минуты капитан Растов был полностью поглощен дуэлью с клонским танком, который, подбив соседний Т-10 (из второго взвода), едва не снес главный калибр растовского сухопутного броненосца. При этом мерзавец так ловко маневрировал, что не удалось даже пощекотать его, не говоря о большем.

Только Растов решил взяться за гада вплотную, как на связь вышел Загорянин.

— Не отвечает Хлебов. Уж я и так, и сяк, — сказал он. — В общем, у меня плохие предчувствия.

— У меня тоже, — Растов удивился тому, как глухо, оказывается, звучит его голос. — Значит, слушай, остаешься со взводом на месте... А я погнал к Хлебову, разберусь, что там у него... Ты все слышал, Фомин? — добавил Растов уже для своего мехвода.

— Я даже развернуться успел, — ответил Фомин.

У Хлебова оказалось еще горячее, чем ожидал Растов.

Из пяти машин две уже пылали. А три непрерывно сотрясались от носа до кормы.

Основательно ухали танковые пушки.

Подвывали навесные башенные минометы.

Стволы пулеметов самозащиты, накалинные добела, рыскали туда-сюда, отстреливаясь, казалось, от всего мира сразу.

Земля вокруг была превращена разорвавшимися снарядами в безобразное подобие стройплощадки: воронки, канавы, горы свежей глины, пласты дерна. И во всем этом — ни красоты, ни смысла, ни тайны...

Клонов же было не меньше роты, и подойти они успели до неприличия близко. И хотя умницы из третьего взвода изрешетили не меньше семи супостатов, они не смогли остудить нездоровый пехлеванский пыл.

Две группы «Рахшей», разлинованных неуместным здесь, среди дикой саванны и кукурузных полей, городским камуфляжем, обтекали горящих собратьев. Им так хотелось подобраться к русским друджвантам еще ближе! На дистанциях менее полутора тысяч метров у клонов появлялось роковое для Т-10 преимущество, которое они во что бы то ни стало хотели реализовать!

— Вот же твари... — злобно процедил Хлебов, который наконец-то прорезался в эфире.

— Ну слава богу, — невпопад сказал Растов.

Хотя по довоенным нормативам положение третьего взвода было ужасным с уклоном в очевидно безнадежное, по понятиям наступившей военной поры, танкисты Хлебова «прочно удерживали занимаемый рубеж, успешно отражая

атаку многократно превосходящих сил противника».

Растов, как командир роты, не имел права все свое внимание отдать третьему взводу. Он намеревался оперативно помочь Хлебову огнем своего танка и на полной скорости вернуться к своим, в центр боевого порядка, чтоб не баловали там без него.

Ведение огня Растов наконец-то доверил Чориеву, а сам вперился в командирский тактический экран.

Парсер его танка собирал информацию от всех машин роты. И эту информацию он, как командир, был обязан наконец-то осмыслить...

Но не успел капитан оценить успехи взвода Соснина, как его вниманием завладело темно-серое пятно, стремительно пронесшееся по одному из экранов кругового обзора.

Растов перевел две камеры в режим сопровождения приоритетной цели. И как только отработали приводы автофокусов, увидел нечто странное.

Капитан не сразу узнал в припоздавшей машине обычный клонский «Рахш». А все из-за цвета. Ну кто, интересно, отдал приказ выкрасить стального монстра в цвет беспилотника-шпиона? Кто и зачем?

Но страннее всего была эмблема, занимавшая почти всю высоту башенной скулы.

Восьмиконечный красный крест, приплюснутый сверху. Похожий то ли на снежинку из дизайнерского кошмара, то ли на противотанковый

еж, разглаженный космодромным катком, дурой в три этажа высотой..

Растов не был суеверен и с упорством человека, одаренного физически, презирал всяческую «эзотерику». Но если бы умел, если бы смог прочесть эту подсказку судьбы, то узнал бы: явление серого стального зверя с inferнальной красной снежинкой на башне не предвещает ничего хорошего.

Танковые парсеры третьего взвода были перегружены целями. Ни один ствол не метнулся к волочащему за собой пыльный шлейф серому «Рахшу».

Автоматика родного танка Растова тоже не отреагировала на появление новой цели. Поэтому капитан отобрал управление и у парсера, и у Чориева (наводчик обиженно крикнул), после чего совместил прицельный визир с четвертой упрежденной точкой — она соответствовала башенному погону, самой уязвимой детали «Рахша» в лобовой проекции.

— Усиленный броневойный! — рявкнул Растов.

— Есть усиленный броневойный! — отрепетовал автомат заряжания.

Мелодично звякнул досылатель.

Многообещающе зашипела автоматика затвора.

Пробег снаряда по стволу отозвался в ступнях Растова бодрящей дрожью, опередив на доли се-

кунды грохот выстрела, задавленный активной акустикой наушников.

Двенадцатикилограммовый лом длиной в руку взрослого человека преодолел расстояние до серого «Рахша» за несколько мгновений.

На залихватски скошенном лобовом листе башни сверкнула отчетливая, нестерпимая вспышка.

К сожалению, попадание пришлось совсем не туда, куда метил Растов.

— Командир, вы это... пониже забирайте, — робко посоветовал Чориев.

— Да знаю я, что ниже, — огрызнулся Растов.

Новую прицельную точку он выбрал сразу же.

Но для того, чтобы сделать следующий выстрел, танку требовалось время.

Оказалось, что выпущенный усиленный бронбойный был заодно и последним в укладке автомата заряжания.

Теперь нужно было ждать, пока сержант Субота перебросает десяток контейнеров со снарядами из кормовой ниши в лоток автомата. Тяжелая физическая работа, между прочим.

— Субота, да что ж ты возишься так долго?! — в досаде воскликнул Растов и тут же потребовал от Фомина: — Степа, а давай-ка... полный вперед!

Фомин немедленно выполнил. Но приказание настолько не соответствовало обстановке и было настолько странным, что не возмутиться он не смог:

— Зачем еще этот «полный вперед», командир?! Ведь сожгут! Как пить дать сожгут!

Но Растов как не слышал его.

Для капитана в мире существовали теперь только две вещи: красная снежинка на серой броне и холостое, голодное жужжание автомата.

— Готово! — выкрикнул Субота и кудряво выругался чему-то своему; про такие реплики в пьесах пишут «в сторону».

Растов выстрелил.

Одновременно с ним заговорила пушка над красной снежинкой.

Говорила она то же, что и все прочие танковые пушки во Вселенной: «Ад!», «Смерть!», «Крышка!», «Нет спасенья!».

Но поскольку на «Рахшах» — Растов во всех нюансах знал вражескую матчасть, в Харькове учили на совесть — стоял экзотический револьверный автомат ускоренного заряжания, все это она выплюнула заплетающейся скороговоркой.

Все шесть снарядов расточительный клон выдал одной очередью.

Танк Хлебова разрезало надвое.

Вероятно, первым же снарядом ему раскурочило передний бронелист днища. А потом еще как минимум два смертоносных подарка, воспользовавшись проделанной брешью, разорвались у дальней стенки боевого отделения.

Растов был уверен: после такого не выжил никто. Ну разве что особой милостью Божьей.